

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2026. Том 30, № 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 811.161.1

ББК 6/81

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-2-96-107>

АДЪЕКТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗОВ СРАВНЕНИЯ ДЕНДРОНИМА *ЕЛЬ* В РУССКОЙ ЛИРИКЕ

Галина Николаевна Агрова

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия
Вольский военный институт материального обеспечения, Вольск, Россия

Аннотация. Приведены результаты исследования функционирования адъективной составляющей образов сравнения, содержащих дендроним *ель*, в русской лирике XVIII–XXI вв. Выявлено 8 сфер — источников образности, характеризующих природные свойства ели, проанализирована частотность словоупотреблений в каждой сфере. Определены наиболее востребованные основания образов сравнения — цвет, форма кроны, возраст и размер ели. В соответствии с антропоцентрическим подходом продемонстрирована реализация обширного ассоциативного потенциала адъективов *темная*, *ветвистая*, *дремучая* и др., формирующих в поэтическом дискурсе образные парадигмы «ель — состояние человека», «ель — качества человека», «ель — мировоззрение человека», «ель — внешность человека». Установлены направления и сроки семантического пополнения указанных сфер.

Ключевые слова: *ель*, *денотат*, *адъектив*, *атрибутив*, *образ сравнения*, *образная парадигма*, *антропоцентрический подход*

Для цитирования: Агрова Г. Н. Адъективная составляющая образов сравнения дендронима *ель* в русской лирике // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2026. Т. 30, № 2. С. 96–107. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-2-96-107>

Original article

THE ADJECTIVAL COMPONENT OF SIMILES WITH THE DENDRONYM *YEL* (FIR TREE) IN RUSSIAN LYRIC POETRY

Galina N. Agrova

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation
Volsk Military Institute of Material Provision, Volsk, Russian Federation

Abstract. This research analyzes the role of adjectives in similes featuring the dendronym *yel* (fir tree) across Russian lyric poetry spanning the 18th to 21st centuries. It delineates eight primary imagery domains rooted in the fir tree's inherent attributes and quantifies adjectival frequency within them, highlighting prevalence in aspects like color, crown morphology, longevity, and stature. Through an anthropocentric lens, the study reveals how qualifiers such as *dark*, *branchy*, and *dense* unlock expansive associative fields, forging metaphorical links to core human dimensions - inner emotions, character traits, philosophical outlook, and physical traits, while tracing the trajectories and timelines of semantic development.

Key words: *yel* (fir tree), *denotatum*, *adjective*, *attributive*, *simile*, *figurative paradigm*, *anthropocentric approach*

For citation: Agrova, G. N. (2026). The adjectival component of similes with the dendronym *yel* (fir tree) in Russian lyric poetry. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 30, no. 2, pp. 96-107. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-2-96-107>

Введение

Изучение роли адъективной составляющей образов сравнения в русской лирике представляется весьма интересным и продуктивным, в особенности в русле системно-функционального подхода, который позволяет, во-первых, раскрыть потенциальные возможности использования языковых средств, предполагая «комплексное рассмотрение разноуровневых языковых средств, объединённых семантически» [Крылова, 2013]; во-вторых, охарактеризовать их функциональную нагрузку в определенном контексте, обеспечивая «ясную формулировку функциональной предназначенности поэтического языка и поэтических сообщений» [Ревзина, 1998, с. 13]; в-третьих, установить системные связи лексических единиц на различных уровнях текста: «сперва на семиотическом уровне (уровне регистра-контекста ситуации), затем семантическом (план содержания), и далее — лексико-грамматическом (план выражения)» [Кытманова, 2024, с. 361], а также учесть аспекты их взаимодействия, выявляя «все типы сочетаемости: морфосинтаксический, лексический, семантический», результатом реализации которых является «самоорганизация новых глубинных смыслов поэтического текста» [Муратова, 2015, с. 90]. Перспективность системно-функционального подхода проявляется в том, что он «позволяет объединить социальный и психологический аспекты речи» [Кытманова, 2024, с. 356], а также произвести «систематизацию образных средств языка с позиций их парадигматичности и инвариантности» [Соколова, 2020, с. 5].

Адъективная составляющая образов сравнения дендронима *ель* в русской лирике рассматривается в русле изучения М. Г. Соколовой конститuentов образных полей дендронимов. Цель исследования — выявление, описание и характеристика функциональной нагрузки адъективных составляющих образов сравнения дендронима *ель* в русской лирике XVIII–XXI вв., что предполагает решение ряда задач: определение сфер — источников образности дендронима *ель* в поэзии, анализ частотности словоупотреблений в каждой сфере, указание на узуальный либо окказиональный характер адъективов, их рассмотрение в соотнесении с антропоцентрическим подходом, установление путей семантического обогащения указанных сфер с учетом хронологии.

Богатейший образный потенциал адъективов, реализуемый в русской поэзии, безусловно, вызывает стабильный интерес в лингвистике. Так, А. В. Громова проанализировала атрибутивные регулятивные структуры с прилагательными в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой [Громова, 2010, с. 13]. С. А. Губанов на основе творчества М. И. Цветаевой разработал концепцию эпитетного комплекса посредством оформления когнитивных моделей, одна из которых обозначается как «человек телесный (физический)/ духовный (божественный) — растение» [Губанов, 2023, с. 311]. Н. А. Николина и др., рассмотрев фитоморфные тропы в современной прозе и составив на их основе интерактивный словарь, пришли к выводу о равномерности словоупотреблений из составляющих данный семантический класс групп: «деревья и кустарники», «цветы», «травы» и т. д. [Николина, Петрова, Фатеева, 2023, с. 227]. А. Ф. Пантелеев, А. С. Долматова провели многоаспектное исследование эстетических возможностей качественных прилагательных в поэзии XX в., уделив особое внимание категориям экспрессивности и интенсивности [Пантелеев, Долматова, 2025, с. 3]. А. С. Кулева, изучив представленность фи-

тонимической лексики в «Словаре языка русской поэзии XX века», отметила, что «принципиально значимые» растения, в число которых входит и ель как представитель распространенного семейства сосновых, относятся «к ядру поэтического лексикона» поэзии Серебряного века, а также указала на имеющуюся в лингвистике лакуну, связанную с разработкой лексического ресурса названий растений, возникшую вследствие опоры большинства словарных статей на ботанический аспект [Кулева, 2023, с. 63–64]. Поэтому расширение лексикографических описаний наименований растений считаем перспективным направлением для ликвидации обозначенной лакуны, в частности путем рассмотрения дендронима *ель* в составе образов сравнения с адъективным компонентом.

Актуальность исследования обусловлена современной лингвистической тенденцией к систематизации образных средств языка в аспекте их парадигматичности, а также важностью раскрытия обширного функционально-семантического потенциала дендронима *ель* в русском поэтическом дискурсе.

Методом сплошной выборки в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка [URL: <http://ruscorpora.ru>] было выявлено 462 примера употребления дендронима *ель* в составе адъективных сочетаний, являющихся либо самостоятельными «атрибутивными регулятивными структурами» [Громова, 2010, с. 13], либо «распространителями» образов сравнения в компаративных конструкциях [Николина, Петрова, Фатеева, 2023, с. 232]. С помощью описательного метода произведены обобщение полученной информации, ее интерпретация и классификация.

Следуя теоретико-методологическим основаниям моделирования образов сравнения [Павлович, 2004; Кожевникова, 2009; Громова, 2010; Манчева, 2012; Твердохлеб, 2017; Соколова, 2020; Николина, Петрова, Фатеева, 2023], обозначим дендроним *ель* как предмет сравнения, сопровождающий его атрибутив как компонент образа сравнения и подробнее остановимся на основании/показателе сравнения [Манчева, 2012, с. 298].

Исследование и его результаты

Если выделить исключительно природные характеристики исследуемого денотата (289 примеров из 462), то основания образов сравнения выстраиваются в определенной последовательности (табл. 1) (при подсчете для каждого автора даже при многократном повторении в его поэзии конкретного адъектива последний учитывался один раз).

Наиболее частотным (33 %) основанием является цвет: *Под зелеными елями ужинать сел Скиллодим* (Н. И. Гнедич. Скиллодим, 1824); *Темная ель в этой жизни видала так много / Слишком красивых, с большими глазами, детей* (М. И. Цветаева. *Ricordo di Tivoli*, 1910); *В подмосковном поселке — сосны мокрые, ели черные* (Г. В. Сапгир. *Закрыв глаза*, 1999); *Вижу: лапы белых елей / Кротко смотрятся в окно...* (Б. А. Садовской. *Новогодний самовар*, 1914); *Умирает голубая ель* (И. Г. Эренбург. *Города горят. У тех обид...*, 1940).

Исходящие из природных характеристик и закрепленные средствами поэтики семантические признаки предметов и явлений со временем получают новые интерпретации.

Так, используемые большинством поэтов для изображения цвета *ели* прилагательные *темная*, *черная* трансформируются в эпитеты *нахмуренная*, *хмурая*, *сумрачная*, *мрачная*, *угрюмая*, *понурая*, *печальная* и объединяются в парадигму «*ель — печаль*», являющуюся одной из частей парадигмы «*ель — состояние человека*»: *Расцвечен он тяжелым летом сов, / сядящихся на су-*

мрачные ели (С. В. Кекова. Как знак беды, чернел еловый лес... , 1980–1999); *Раздвиньтесь же, хмурые ели! / Погасни, вечерний багрец!* (Андрей Белый. Каторжник, 1906–1908); *Скажите, пасмурные ели ... / В каких скорбях вы посидели..?* (К. Н. Льдов. В глуши сырой и ароматной... , 1892); *Печальные ели / Темнеют вдали без движенья...* (В. С. Соловьев. Сон наяву, 1895).

Таблица 1

Природные свойства денотата *ель* в содержащих адъективы поэтических образах сравнения

Свойство	Число адъективов		Адъектив	Соотношение внутри группы	
	слов	%		слов	%
Цвет	96	33	<i>Зеленая</i>	34	35
			<i>Темная</i>	30	31
			<i>Черная</i>	23	24
			<i>Белая, голубая</i> и др.	9	10
Форма кроны	68	24	<i>Ветвистая</i>	33	49
			<i>Косматая</i>	20	30
			<i>Мохнатая</i>	15	22
Возраст	59	20	<i>Старая</i>	50	85
			<i>Молодая</i>	9	15
Размер	32	11	<i>Высокая/большая</i>	11/9	63
			<i>Маленькая/тонкая</i>	8/4	37
Характер хвои	14	4	<i>Острая/колючая</i>	6/5	43/37
			<i>Мягкая</i>	3	20
Прямизна ствола	10	>3	<i>Стройная</i>	6	60
			<i>Прямая</i> и др.	4	40
Район произрастания (северный)	8	<3	<i>Сибирская, вотяцкая</i> и др.	5	60
			<i>Северная</i>	3	40
Нахождение в лесном массиве	5	<2	<i>Дремучая</i>	5	100
Всего	292	100			

Дальнейшая трансформация данной характеристики: *траурная, гробовая, могильная, мертвая*, произведенная с позиции градации, приводит к другой части намеченной парадигмы и воплощается как «*ель – смерть*»: *И дремлют ели гробовые* (В. А. Жуковский. Славянка, 1815); *В сугробах стынут траурные ели* (И. А. Бунин. Морозное дыхание метели... , 1901); *Мертвые ели ведут к аналою / еле заметные тени берез* (С. В. Кекова. В речке прозрачной вода убывает... , 1995). В основе рассматриваемых семантических процессов наблюдается явление, о сути которого А. Ф. Пантелеев и А. С. Долматова писали: «Типы языковых значений, поддающиеся градуированию, включают прежде всего признак предмета, признак количества времени и импликацию признака оценки размера» [Пантелеев, Долматова, 2025, с. 9].

Форма кроны служит вторым по регулярности (24 %) основанием поэтических образов сравнения: *Бестрепетный вождь их под сенью ветвистая ели...* (П. П. Ершов. Смерть Ермака, 1830); *В мягкой, душистой траве, под косматую елью...* (П. Ф. Якубович. Фея ни слова в ответ... Только бледные губы... , 1883); *...на белом поле лапчатая ель...* (М. Г. Визи. Я уйду куда-то, где

сейчас темно... , 1929); *А в лесу берлоги, мохнатые ели...* (Б. П. Корнилов. Открытое письмо моим приятелям, 1931).

Современные лингвисты указывают на ведущую роль антропоцентрической тенденции в изображении реалий природы в художественной литературе [Соколова, 2020; Николина, Петрова, Фатеева, 2023; Пантелеев, Долматова, 2025; Манчева, 2012]. Применительно к образу *ели* в русской лирике можно констатировать наличие сильного импликационала [Манчева, 2012, с. 299], связанного с интерпретацией формы кроны. Образная парадигма «*крона ели — внешность человека*» включает сопоставления с различными частями тела (волосы, борода, плечи, ноги и др.): *Печальный румянец заката / Глядит сквозь кудрявые ели* (К. М. Фофанов. Печальный румянец заката... , 1883); *Я верю — не безноги ели* (П. Н. Васильев. Глазами рыбьими поверья... , 1928); *...месяц неуклюжий / Верхом на ели бородатой* (Н. А. Клюев. Преподобие отче Елиазаре, моли Бога о нас!.. , 1929–1934); *И неба склон, что взбит и взрыт / Плечистых елей остриями...* (О. А. Юрьев. Вторая декабрьская элегия, 2013–2014).

Большое значение для возникновения образов сравнения имеет также форма еловых ветвей, расположенных симметрично, перпендикулярно к стволу и напоминающих крест [Агапкина, 1997, с. 6; Эпштейн, 1990, с. 83; Дущечкина, 2012, с. 280; Ершов, 2009, с. 119]. Данное обстоятельство стало основой создания устойчивой поэтической парадигмы «*ель — крест*»: *И к небу стремятся вершины молитвенных елей* (П. С. Соловьева. Тишина, 1907); *Стенала благостная ель* (В. В. Хлебников. Зеленый леший — бух лесиный... , 1912); *Вознеслись над завесой тумана / Чутких елей кресты* (П. С. Соловьева. Туманы, 1909–1913); *Четки елей кресты* (Н. А. Клюев. Талы избы, дорога... , 1914–1916); *И плачет ель рождественской смолой, / прекрасен крест ее, как аналой* (С. В. Кекова. Здесь часто плачут; здесь на Рождество... , 1995). Для исследователя славянского фольклора Т. А. Агапкиной была очевидна «медиативная функция еловых веток» [Агапкина, 1997, с. 4], знаменующих пребывание на рубеже времен, измерений, пространств, состояний, она зафиксирована в ритуалах древности и получила продолжение в религиозных традициях, главной из которых явилось празднование Рождества и Нового года.

Третье по частотности употребления (20 %) в содержащих адъективы поэтических образах сравнения природное свойство денотата *ель* — возраст. Долго живущее вечнозеленое дерево в большинстве случаев (85 %) воспринимается как старое, ветхое, завершившее цикл развития и сопровождается в лирике такими ассоциативными характеристиками, как *старая, старинная, древняя, седая* и т. п.: *...приносили снег / на полувековые ели* (Е. Ф. Сабуров. Женоподобные метели... , 1990–1999); *Потемнела за зиму / Дряхлых елей празелень* (Н. Н. Моршен. Зеленый Ренессанс, 1979); *Там к древним и черным елям / Приникни больной головой* (Б. А. Нарциссов. Светлояр, 1958).

В отношении воплощения в лирике данной природной особенности рассматриваемого хвойного дерева прослеживается интертекстуальность [Николина, Петрова, Фатеева, 2023; Пантелеев, Долматова, 2025]. Многократно воспроизведенная в различных вариациях отсылка к солидному возрасту ели при формировании персонифицированного образа дерева составляет устойчивую поэтическую парадигму «*ель — старость*»: *Скрипят седые ели* (С. Я. Надсон. Мне снился вещий сон: как будто ночью темной... , 1884); *И покажется бабой-кликушей / У деревни согбенная ель...* (С. А. Клычков. Метель, 1925–1929). *Потемнела за зиму / Дряхлых елей празелень* (Н. Н. Моршен. Зеленый Ренессанс, 1979).

К обозначенной парадигме относится многочисленная группа адективов, соизмеряющих возраст ели с веком: *Ель столетняя, наклонена...* (П. Г. Гагарин. Немень, 1795); *Между камней вековые ели...* (А. Н. Майков. Бальдур, 1870); *Вековые, черные ели* (А. К. Лозина-Лозинский. Перерезали черные ели... , 1912).

Практически каждый десятый адектив (11 %) в поэтических образах сравнения передает размер *ели*. В отношении параметрических характеристик наблюдается построение четких компаративных конструкций с исходным прилагательным: 1) *высокая/большая* (63 %): *высокая — выше — мачтовая; большая — огромнейшая — исполинская*; 2) *маленькая/тонкая* (37 %): *маленькая — мелкая — небольшая; тонкая — тоненькая — тощая*, отражающих как узуальное, так и окказиональное восприятие авторами единицы растительности.

Менее частотные в поэзии, однако перцептивно значимые природные свойства денотата *ель* касаются хвои, ствола и места произрастания дерева.

Прилагательные *острая, колючая* и их дериваты, представляющие в поэзии особенность еловой хвои, находятся в пределах «построения логического сравнения» [Манчева, 2012, с. 299]: *И ветер, тихо пролетев, / Скользил по елям заостренным...* (А. Н. Апухтин. Успокоение, 1857); *...птичьи гнезда / На вершинах острых елей...* (К. Ф. Жаков. Биармия, 1916); *Слава голой березе, колючей ели...* (И. А. Бродский. Эклога 4-я (зимняя), 1980). Разнообразные адективы данного семантического поля с сигнификативным значением прямо или косвенно трактуют колючесть хвои с позиций антропоцентризма. В результате в противовес логическим образуются сравнения образные: *Нахмурившись, стоят щетинистые ели...* (Г. В. Голохвастов. Зима, 1903); *Ели всё игольчей...* (С. А. Есенин. Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и королевстве, 1925); *...будут ели стоять угловаты, / как стоят мужики на дворе...* (Лев Лосев. Знаем эти толстовские штучки... , 1975–1985). В. П. Ершов, изучая функционирование *ели* в культурологическом пространстве, приходит к заключению, что во многих памятниках искусства, как духовных, так и материальных, наблюдаются «тенденции к обострению силуэта („колючесть“)", что доказывает «архетипичность этого колючего символа» [Ершов, 2009, с. 130].

Прямоизна ствола служит фундаментом для напластования нескольких образных парадигматических ветвей, в которых ярко проявляется «лингвокреативность современных авторов» [Николина, Петрова, Фатеева, 2023, с. 235]. В первую очередь обращает на себя внимание деривационный ряд с исходным прилагательным *стройная*: *А верхушки стройных елей / Зорькой золотились* (М. А. Козырев. Рассвет, 1872); *Ввысь уходят ели, стройно-прямы...* (М. И. Цветаева. Как мы читали «Lichtenstein», 1906–1912); *Она прелестна, как весной лилея, / Как ель стройна...* (В. Я. Брюсов. Она — прелестна, 1918); *Стройность вольных пары елей, / Стройно-ствольных параллелей* (Н. Н. Моршен. Линии. Геометрия природы, 1979).

Второе, что следует отметить, — обилие в поэзии адективов, иногда повторяющихся, с основанием ассоциаций, заимствованным из области архитектуры, что предопределено четкостью, симметричностью форм и устремленностью ввысь силуэта ели: *...из-за белых готических елей / появлялись черные тени* (К. А. Некрасова. Огни, 1937–1955); *Где готические ели, / цепи храбрые хвои...* (В. А. Соснора. Где готические ели... , 1965); *Меж елей, выстроенных строго...* (Я. В. Смеляков. Лев Толстой, 1968); *В потемках притвора под сводчатой елью...* (Ю. М. Кублановский. Ландыш, 1981).

Природная крепость, несгибаемость ствола ели в поэтической призме авторов различных периодов трансформируется в образную парадигму «ель — строгость»: *И строгие ели крестами меня осеняют* (П. С. Соловьева. Allegro, 1907); *И с елью строгой хмурая сосна...* (Ю. Н. Верховский. Белая березка, 1920); *Под старую, мохнатой, строгой елью* (Л. Ф. Бартольд. Нет у меня родного в мире края... , 1952). Последняя, в свою очередь, получает развитие через соотношение «ель — величавость»: *Ель величавая стоит, где возросла...* (Е. А. Баратынский. К чему невольнику мечтания свободы?.. , 1831–1832); *Шепчут в бездне голубой / Меж собой / Торжествующие ели* (С. М. Соловьев. Нимфа весны, 1906); *Вы живы, царственные ели!* (В. Я. Брюсов. В том же парке, 1912); *Эти сановные ели, / Эти тупые дубы* (С. И. Липкин. Соловьи, 1944); *...вырву / Самую гордую ель...* (М. Л. Михайлов. Признание, 1855–1862).

Строгость, гордость, величавость — те человеческие качества, которые нередко ввергают их обладателя в состояние одиночества. И персонифицированный образ ели в русской поэзии зачастую вербализируется с использованием прилагательного *одинокая*: *На северном голом утесе / Стоит одинокая ель* (М. Л. Михайлов. На северном голом утесе... , 1855–1862); *Одинокая ель ожила* (В. С. Соловьев. Лунная ночь в Шотландии, 1893); *Дремлют в снегу одинокие ели...* (И. А. Бунин. Ночью в полях, под напевы метели... , 1887–1895); *Одинокая старая ель, / Еще сохраняя / Девичью стройность ствола...* (В. Я. Брюсов. Одинокая ель, 1910).

Дальнейшее эволюционирование обозначенной семантической линии приводит к адъективам со значением 'брошенная, забытая': *Когда же в космах белых тонет / В поля закинутая ель* (Андрей Белый. Зима, 1907); *В тени запыленных елей...* (Л. А. Алексеева. Дома, 1971); *В келье у ели позатынной ...* (В. А. Меркурьева. В келье у ели позатынной... , 1933).

Указание на район произрастания ели, в большинстве случаев северный, также выступает весомым основанием для формирования образов сравнения, поскольку интерпретация дерева в данном случае напрямую вызывается чувством родины: *Не под северною елью, / Нет, не здесь я начал жить* (С. М. Соловьев. Нет, не здесь, где над метелью... , 1923); *Сумрачные северные ели / Встали у несчитанных озер* (Б. А. Нарциссов. Сибелиус, 1958); *Из бересты витую пастушью дуду / Иль шатер нашей северной ели?* (Вс. А. Рождественский. Родословное древо? Оно у меня... , 1977).

Колорит суровых северных просторов, покрытых тайгой, отражается в поэтических текстах с использованием семантики холода: *Ой, много солнца проворонила / В снега заметанная ель* (А. А. Прокофьев. Незнакомка, 1928); *В промерзших елях голосит норд-ост* (Б. А. Нарциссов. Начало, 1958); *Природу знобило, и что-то хотели / сказать мне холодные темные ели* (С. В. Кекова. О, мне ли, привыкшей к земной канители... , 1981).

Включение в стихотворную канву наименования конкретного региона, области, населенного пункта, составляющего вместе с произрастающей там отдельной елью либо ельником единый для авторской картины мира перцептивный комплекс, обуславливает глубоко лирический, зачастую ностальгический, эмоциональный фон произведения: *Хоть издавна михайловские ели / О гибели бессмысленной гудят* (Э. Г. Багрицкий. Пушкин, 1923); *Уснуть бы под вотяцкой елью* (Н. А. Клюев. Кому бы сказку рассказать... , 1932–1933); *Идти к тригорской ели / По необъятным родины полям* (И. Н. Федоров. Любовь и дружбу славил Руставели... , 1939); *Синели сибирские ели...* (С. Я. Алымов. Героическая летная, 1940).

Ассоциативный ряд *знакомая — родная — любимая* в отношении ели бесспорно можно называть традиционным: *... мать возростила, лесная Иэра, / Юношей, равных горам и елям родным* (С. М. Соловьев. Энеида, 1933); *Вижу — поляна, знакомая ель* (А. Н. Апухтин. Ледяная дева, 1865–1869); *...Все мимо ели, любимой тобой* (Ю. Н. Верховский. Слушай, художница. Нынче опять я ходил любоваться... , 1917); *Среди родимых елей / Двоим нам — места нет* (З. Н. Гиппиус. Подожди, 1925); *Смех в усах знакомой ели...* (В. Т. Шаламов. Смех в усах знакомой ели... , 1937–1956).

Круг адъективов, репрезентирующих в стихотворных текстах образ ели как излюбленного символа родины, активно пополняется не только устойчивыми, коннотативно предсказуемыми эпитетами, но и контекстуально неожиданными окказиональными тропеически маркированными атрибутами: *...ласковые ели / Сон мой чуткий сторожат* (Д. С. Мережковский. Ослепительная снежность... , 1906); *На этой ели благосклонной / Покойся, ветхая свирель!* (В. Я. Брюсов. Побег пастуха, 1908); *Стенала благодная ель* (В. В. Хлебников. Зеленый леший — бух лесиный... , 1912); *Побывал я под чудною елью* (Н. А. Клюев. Поддонный псалом, 1916); *Есть остров ... с изюною, лакомой елью...* (Н. А. Клюев. Белая повесть, 1916–1918).

Ветвистость, мшистость ели, сводчатость кроны, создающая густую тень, дремучесть елового бора интерпретируются в поэзии путем переосмысления прилагательного *дремучая* (2 %). Адъективы *дремотная, дремная, полусонная* входят в парадигму «*ель — сон*»: *И вслушайся душой в баюканье и шум / Дремучих елей над моей могилой* (Л. Н. Трефолов. Призыв, 1895); *Там нежно царствует луна / Меж елей полусонных* (К. Д. Бальмонт. Замок Джэн Вальмор, 1899); *Сквозь ресницы ели дрёмной* (В. И. Иванов. Утро, 1905). На данное явление обратил внимание М. Н. Эпштейн, изучая природные мотивы русской поэзии: «дремучесть елового леса переходит в мотив дремы» [Эпштейн, 1990, с. 83].

Через употребление адъективов *задумчивая, загрезившая, мечтательная* и т. п. складывается смежная по семантике с обозначенной выше парадигма «*ель — задумчивость*»: *...зимняя метель / Качает в снежной дали / Загрезившую ель* (К. Д. Бальмонт. Живая вода, 1907); *...задумчивые ели / В цветах серебряной луны* (Н. С. Гумилев. Она простерлась, неживая... , 1910); *И услышит зачарованная ель / Золотую и серебряную трель* (В. В. Воинов. Повесенному поют колокола... , 1913).

Густота, непроходимость чащи, неподвижность еловых зарослей в лирике вербализируются через устойчивые характеристики *недвижимая, неподвижная, застывшая. Ель величавая стоит, где возростла, / Невластная сойти* (Е. А. Баратынский. К чему невольнику мечтания свободы?... , 1831–1832); *Мрачно стоят неподвижные ели* (А. М. Жемчужников. Дорожная встреча, 1856); *Недвижны ели, в небо поднимая / Ряды вершин — подобия креста* (С. М. Соловьев. Вечерняя молитва, 1906); *Где ты, меж неподвижных елей, / Своей покорствуешь судьбе* (В. Я. Брюсов. Мюльбах, 1909); *И молчали застывшие ели* (В. И. Горянский. Примета, 1915).

Перенос данной природной характеристики средствами поэтики в сферу репрезентации качеств человека формирует парадигму «*ель — равнодушие*»: *...над беспристрастной елью / зов молодящийся кинем* (Н. Лепок. Диалектика сегодня, 1922); *Шесть ручьев из скал отвесных ... / С елью глупой говорят...* (А. К. Лозина-Лозинский. Лапа черта, 1912). Приведенные ряды адъективов де-

монстрируют, как «при переносном употреблении ... актуализируются потенциальные семы слов, получая статус дифференциальных» [Иванян, 2019, с. 449].

Рассмотренные в тексте исходные и потенциальные значения адъективов, характеризующие денотат *ель* в образах сравнения на материале русской поэзии XVIII–XXI вв., представлены в табл. 2.

Таблица 2

Семантические приращения адъективов в поэтических образах сравнения с денотатом *ель*

Свойство	Исходный адъектив	Приращения адъективов		Период
Цвет	<i>Зеленая</i>	<i>Вечнозеленая, зеленеющая, зелено-сумрачная, черно-зеленая, темно-зеленая, влажно-зеленая, зеленоватая, изумрудная</i>		1801–1990
	<i>Темная</i>	<i>Смутно-темная</i>	<i>Мрачна, мрачная, сумрачная, хмурая, нахмуренная, нахохленная, печальная, понурая, пасмурная, угрюмая, слезная, ревушая, бедная, помертвевшая, мертвая, могильная, гробовая, Манфредова</i>	1795–2010
	<i>Черная</i>	<i>Чернолапая, почернелая</i>		1838–2004
	<i>Белая, голубая и др.</i>	<i>Сизая, сероватая, лиловая, дымно-закоптелая, дымчатая, смутная, сиволапая, темно-голубая, синяя, шинельная с голубизной</i>		1864–1997
Форма кроны	<i>Ветвистая</i>	<i>Лапчатая, разлапистая, шерстолапая, корявая, раскоряченная, развесистая, распахнутая, размашистая, сводчатая, плечистая</i>		1830–2014
		<i>Молитвенная, благовонная, благодная</i>		1907–1912
	<i>Косматая</i>	<i>Густокудрявая, кудрявая, растрепанная, лохматая, бородатая, густая, тенистая, пышная, узорная</i>		1795–1966
	<i>Мохнатая</i>	<i>Мишистая, замшелая</i>		1872–1965
Возраст	<i>Старая</i>	<i>Вековая</i>	<i>Столетняя, столетняя, вековечная, полувекковая, многолетняя, допетровская, заповедная</i>	1795–1999
		<i>Мудрая</i>	<i>Много выдавшая, бессменная, стойкая</i>	1910–1969
		<i>Древняя</i>	<i>Старинная, седая, дуплистая, скрыпучая, заскрипевшая, терпелива</i>	1820–1956
		<i>Дряхлая</i>	<i>Согбенная, склонившаяся, обвислая, пожухлая, изнуренная, не свежа, ржавая, высохшая, осиплая, оглохшая, глухая</i>	1806–1983
	<i>Молодая</i>	<i>Млада, младая, юная, девственная, свежая, гибкая, малолетняя</i>		1819–1960
Размер	<i>Высокая / большая</i>	<i>Выше, мачтовая, исполинская, огромнейшая, мощная, громоздкая, тяжелая, железная</i>		1806–1997
	<i>Тонкая / маленькая</i>	<i>Небольшая, мелкая, детская, слабенькая, жидкая, тоненькая, тощая</i>		1811–1972
Характер хвоя	<i>Острая / колючая</i>	<i>Заостренная, островерхая, угловата, все игольчей, щетинистая, костистая</i>		1903–1985
	<i>Мягкая</i>	<i>Бархатная, пушистая</i>		1894–1918
Прямизна ствола	<i>Стройная</i>	<i>Стройно-ствольная, стройно-пряма, готическая</i>		1872–1979
		<i>Строгая, строго выстроенная</i>		1907–1968

Окончание табл. 2

Свойство	Исходный адектив	Приращения адективов		Период
Прямизна ствола	Прямая и др.	<i>Вольная, закинутая, запыленная, позатынная, скучная, недужная</i>		1855–1979
		<i>Гордая, сановная, величавая, царственная, счастлива, торжествующая, в горностаи одетая</i>		1825–1956
Район произрастания (северный)	Сибирская, вотяцкая и др.	<i>Знакомая, тригорская, михайловская, Савойи, Шотландии, городская, земная, прибрежная</i>		1845–1956
		<i>Родная, родимая, лобинная, благосклонная, ласковая, лакомая, изюмная, солнечная, чудная, чуткая</i>		1908–1939
	Северная	<i>Холодная, промерзшая, снежная, снеговая, оснеженная, в снега заметанная, убранный в иней</i>		1923–1981
Нахождение в лесном массиве	Дремучая	<i>Частая, лесная, березовая, деревянна, кислородная</i>		1912–1975
		<i>Дремная</i>	<i>Дремотная, полусонная, задумчивая, загрезвившая, мечтательная, зачарованная</i>	1895–1950
		<i>Неподвижная</i>	<i>Недвижная, недвижимая, застывшая, медленная</i>	1856–1942
		<i>Равнодушная</i>	<i>Беспристрастная, глупая</i>	1871–1922

Заключение

Исследование функционирования адективной составляющей образов сравнения, содержащих дендроним *ель*, в русской лирике XVIII–XXI вв. позволило выявить 8 сфер — источников образности, характеризующих природные свойства ели. Анализ частотности словоупотреблений показал, что наиболее востребованными основаниями образов сравнения являются цвет, форма кроны, возраст и размер ели. Широкие ассоциативные возможности в соотношении с антропоцентрическим подходом демонстрируют такие атрибуты ели, как *темная, ветвистая, старая, прямая, дремучая* и др., формируя в поэтическом дискурсе множественные образные парадигмы, среди которых «ель — состояние человека»: «ель — задумчивость», «ель — печаль», «ель — одиночество», «ель — старость», «ель — смерть»; «ель — качества человека»: «ель — равнодушие», «ель — мудрость»; «ель — мировоззрение человека»: «ель — вечность» «ель — крест», «ель — родина».

Потенциал природных свойств денотата *ель* как сфер — источников образности реализуется посредством использования как устойчивых узуальных, так и единичных окказиональных эпитетов. Семантическое обогащение указанных сфер происходит регулярно, наибольшую активность в пополнении новыми адективами демонстрирует образная парадигма «ель — состояние человека».

Список источников

- Агапкина Т. А. Ель // Живая старина. 1997. № 1. С. 3–6.
- Громова А. В. Регулятивный потенциал прилагательных в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой : автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск, 2010. 27 с. EDN: QGVUSN.
- Губанов С. А. Когнитивно-семантическая концепция эпитетного комплекса в творчестве М. И. Цветаевой : дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2023. 451 с. EDN: HYNLTK.
- Душечкина Е. В. Русская елка: pro et contra // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 2. С. 278–283. EDN: PABZSZ.
- Ершов В. П. Ель (хвойные) в образной характеристике «иноного мира» (на материалах карельского фольклора) // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2009. С. 117–135. EDN: WEPYUJ.

Иванян Е. П. Общее языкознание. Теория языка : учеб. пособие. М.: Флинта, 2019. Ч. 2. 463 с. EDN: MEIFMF.

Кожевникова Н. А. О роли тропов в организации стихотворного текста // Избранные работы по языку художественной литературы / под общ. ред. З. Ю. Петровой. М.: Знак, 2009. С. 455–471.

Крылова М. Н. Функционально-семантический анализ как основа системного исследования языковых единиц. Функционально-семантическая категория сравнения [Электронный ресурс] // Гуманит. науч. исследования. 2013. № 9. URL: <https://human.snauka.ru/2013/09/3736> (дата обращения: 28.10.2025). EDN: RCLRON.

Кулева А. С. Названия растений как часть поэтического лексикона (на материале «Словаря языка русской поэзии XX века») // Verba. Сев.-Зап. лингв. журн. 2023. № 3 (8). С. 61–72. EDN: TYXGHB. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-3\(8\)-61-72](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-3(8)-61-72)

Кытманова Е. А. Системно-функциональная лингвистика М. А. К. Холлидея и теория жанра // Преподаватель. XXI в. 2024. № 3, ч. 2. С. 356–373. EDN: ADOKLJ. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2024-3-356-373>

Манчева Е. Г. Значение образного сравнения как результат непрямого номинации и семантической абстракции // Известия высш. учеб. заведений. Серия: Гуманит. науки. 2012. № 3 (4). С. 298–302. EDN: PKNUPV.

Мурагова Е. Ю. Специфика межсловных связей в поэтическом тексте // Вестн. Северного (Арктического) фед. ун-та. Серия: Гуманит. и соц. науки. 2015. № 2. С. 90–94. EDN: UHJGWZ.

Николина Н. А., Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Исследование динамики компаративных тропов в современной художественной прозе: корпусный подход (на материале фитоморфных тропов) // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: вариативность, креативность, эксперимент : сб. науч. ст. / отв. ред. И. В. Зыкова. М.: П. Валент, 2023. С. 225–236. EDN: DCUFCD.

Павлович Н. В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Азбуковник, 2004. 527 с. EDN: QQUWEB.

Пантелеев А. Ф., Долматова А. С. Имя прилагательное в языке русской поэзии XX века. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2025. 112 с. <https://doi.org/10.12737/18251>

Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта : дис. в форме науч. докл. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 86 с.

Соколова М. Г. Эволюция конститuentов образных полей дендронимов в русской поэзии XVIII–XX веков: системно-функциональный подход. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2020. 201 с. EDN: LYQNSN.

Твердохлеб О. Г. Грамматико-стилистическое своеобразие компаративных конструкций, включающих простые формы сравнительной степени имен прилагательных, в поэзии акмеистов // Культура и текст. 2017. № 2(29). С. 134–150. EDN: YSTEIB.

Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.

References

- Agapkina, T. A. (1997). Fir-tree. *Living Antiquity*, no. 1, pp. 3-6. (In Russian).
- Dushechkina, E. V. (2012). The Russian Christmas tree: pro et contra. *Problems of History, Philology, Culture*, no. 2, pp. 278-283. (In Russian). EDN: PABZSZ.
- Epstein, M. N. (1990). "Nature, world, secret of the universe...": system of landscape images in Russian poetry. Moscow, Higher School, 303 p. (In Russian).
- Ershov, V. P. (2009). Spruce (conifers) in the figurative characterization of the "other world" (based on Karelian folklore materials). *Problems of spiritual culture of the peoples of the European North and Siberia*. Petrozavodsk, Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, pp. 117-135. (In Russian). EDN: WEPEUJ.
- Gromova, A. V. (2010). *Regulatory potential of adjectives in M. I. Tsvetaeva's poetic discourse*. Abstract of PhD thesis. Tomsk, 27 p. (In Russian). EDN: QGVUSN.
- Gubanov, S. A. (2023). Cognitive-semantic concept of the epithet complex in M. I. Tsvetaeva's works. PhD thesis. Stavropol, 451 p. (In Russian). EDN: HYNLTK.

- Ivanyan, E. P. (2019). *General linguistics. Language theory*. Textbook. Moscow, Flinta, part 2, 463 p. (In Russian). EDN: MEIFMF.
- Kozhevnikova, N. A. (2009). On the role of tropes in organizing poetic text. *Selected works on the language of fiction*. Z. Yu. Petrova (ed.). Moscow, Sign, pp. 455-471. (In Russian).
- Krylova, M. N. (2013). Functional-semantic analysis as the basis for systemic study of language units. Functional-semantic category of comparison. *Humanitarian Scientific Research*, no. 9. Available from: <https://human.snauka.ru/2013/09/3736> (accessed 28 October 2025). (In Russian). EDN: RCLRON.
- Kuleva, A. S. (2023). Plant names as part of the poetic lexicon (based on the "Dictionary of the Language of Russian Poetry of the 20th Century"). *Willow. Northwestern Linguistic Journal*, no. 3, pp. 61-72. (In Russian). EDN: TYXGHB. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-3\(8\)-61-72](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-3(8)-61-72)
- Kytmanova, E. A. (2024) M. A. K. Halliday's systemic-functional linguistics and genre theory. *Teacher. 21st Century*, no. 3, part 2, pp. 356-373. (In Russian). EDN: ADOKLJ. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2024-3-356-373>
- Mancheva, E. G. (2012). The meaning of figurative comparison as a result of indirect nomination and semantic abstraction. *Bulletin of Higher Educational Institutions. Series Humanities*, no. 3, pp. 298-302. (In Russian). EDN: PKNUPV.
- Muratova, E. Yu. (2015). Specificity of interword connections in poetic text. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2, pp. 90-94. (In Russian). EDN: UHJGWZ.
- Nikolina, N. A., Petrova, Z. Yu. and Fateeva, N. A. (2023). Study of the dynamics of comparative tropes in modern fiction: corpus approach (based on phytomorphic tropes). *Discourse and language in the era of "Big Data": variability, creativity, experiment*. Collection of scientific articles. I. V. Zykova (ed.). Moscow, R. Valent, pp. 225-236. (In Russian). EDN: DCUFCD.
- Panteleev, A. F. and Dolmatova, A. S. (2025). Adjective in the language of Russian poetry of the 20th century. Moscow, RIOR, INFRA-M, 112 p. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/18251>
- Pavlovich, N. V. (2004). *Language of images: paradigms of images in Russian poetic language*. Moscow, ABC book, 527 p. (In Russian). EDN: QQUWEB.
- Revzina, O. G. (1998). *Systemic-functional approach in linguistic poetics and problems of describing poetic idiolect*. PhD thesis. Moscow, 86 p. (In Russian).
- Sokolova, M. G. (2020). *Evolution of constituents of figurative fields of dendronyms in Russian poetry of the 18th-20th centuries: systemic-functional approach*. Samara, Publishing House of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 201 p. (In Russian). EDN: LYQNSN.
- Tverdokhlebov, O. G. (2017). Grammatical-stylistic peculiarities of comparative constructions including simple forms of the comparative degree of adjectives in acmeist poetry. *Culture and Text*, no. 2, pp. 134-150. (In Russian). EDN: YSTEIB.

Сведения об авторе

Агрова Галина Николаевна — аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ; преподаватель кафедры русского языка ВВИМО, <https://orcid.org/0009-0005-2077-2993>, SPIN-код: 2383-9297, galinaagrova@mail.ru

Information about the Author

Galina N. Agrova — postgraduate student of the Department of Russian Language, Speech Culture and Teaching Methods, SSUSSE; lecturer of the Department of the Russian language, VMIMP, <https://orcid.org/0009-0005-2077-2993>, SPIN-код: 2383-9297, galinaagrova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.12.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2026; принята к публикации 09.04.2026.

The article was submitted 19.12.2025; approved after reviewing 09.04.2026; accepted for publication 09.04.2026.